

Гори, гори, моя звезда!..

Слова из любимого романа Александра Васильевича Колчака, от рук воинства которого, якобы, погибла семья врача, чей памятник виден всем на пригорке слева по дороге в Зимник. Увенчанный словно звездой православным крестом, он напоминает нам, что, чем дальше и яснее мы помним своё прошлое, тем содержательнее для нас и ценнее становится жизнь собственная.

Юрга... Дети врача... Колчак... Есть корни истории и у нашего городка. В какую же глубь уходят они от нас? В какую?..

Юрга... Дети врача... Колчак... Есть корни истории и у нашего городка. В какую же глубь уходят они от нас? В какую?..

Знал ли выпускник Морского Его Императорского Величества кадетского корпуса Александр Колчак, ставший впоследствии не только адмиралом, но и ученым-полярником, гидрографом, прекрасным минным специалистом, офицером долга, чести и присяги, верным сыном России, не покинувшим Родину в дни её гибели, несмотря на множество приглашений американцев и англичан, что имя его в далекой Сибири, в мало кому известном городишке Юрга будет ещё угрожающе произноситься даже в конце XX века? Что жизнь свою он закончит расстрелянным февральской ночью в Красноярске, на льду Енисея, а тело потом будет спущено в прорубь... В которой, конечно, уже не будет могилы. Хотя так мечталось!

Умру ли я, ты над могилою,
Гори, сияй, моя звезда!

ИСХОД

С 1906 года и до 1911, после столыпинской реформы Россия подалась на освоение пустующих сибирских просторов. Нередко отправляли в Сибирь семьи силком из каждого десятого дома, что стояли вдоль улиц.

Полещуки, Шитиковы, Василевичи, Кузмичи, Красильниковы, Шевчуки, Ружечко, Патлатюки... С семьями, сундуками, тряпьем и скотиной в теплушках — «столыпинских вагонах» через полтора месяца добрались до Сибири. До Новониколаевска, где им было указано поселиться близ станции Юрга Томской губернии. Вместе с другими ехали семьи и шести братьев Шитиковых — Федоса, Василия, Абрама, Омельяна, Андрея и Тита. Облюбовано было место в лесу, на краю тракта — зимней дороги, «зимника», идущего из Томска в Кузнецк. Лес был лиственный, богатый, по дну лога текла веселая речка. Над головами пели птицы. Обоз встал. Мужики слюнявили самокрутки, угрюмо озираясь вокруг, а некурящий Абрам Шитиков, скаканув с телеги, рухнул в траву. Уставший от долгого сидения, лежал, потягиваясь, позевывая, улыбочиво глядя в небо.

И вдруг:

— Распрягай! Приехали.

И вскочил. Будто со спины

дробью прострелянный: вся рубаха была сзади усеяна красными пятнами от раздавленных ягод.

— До чего ж место ягодное! — Закудахтали вокруг бабы...

И так стала называться поднимаемая ими деревня — Ягодное. **ДЕРЕВНЯ ЯГОДНОЕ. БЫТИЕ**

Лес кругом стоял добротный — буйный, густой, деревья с крепкими стволами. Земля вокруг щедрая. Люди начали ставить дома, заводить огороды — понемногу обустриваться. Зимой по санной дороге возили продавать в Томск мороженное в чашках молоко, мясо, пшеницу. Там на вырученные деньги закупали необходимое. Василий Шитиков вверх по реке поставил мельницу. Вслед за ним подалше — и Федор Василевич.

Ездили в гости в деревню Юрьевка, где обосновались поселенцы из города Юрьева, ныне Тарту, что в Эстонии. Ягодинские мужики в гостях усы медовухой полоскали, а бабы руками всплескивали: до чего ж интересно живут люди. У ягодинцев на столах обычно мясо, а к нему картошка с капустой, а у тех, из Эстонии, блюда чудные и приправы к ним всякие. Да и одевались юрьевцы, не то что российские переселенцы — в холстину. Эстонские мужики в Томске, кроме всего необходимого, женщинам своим еще и всякую красивую материю покупали, из которой дома хозяйки шили платья фасонистые.

В общем, жили, дружили, хозяйство множили и укрепляли. Жизнь... Так и текла бы она, если бы не пришла весть о революции, о гражданской войне, когда начался делёж и разграбление хозяйства. Потом, мозолями и слезами обретенного.

КРАСНЫЕ... БЕЛЫЕ...

Красные... Белые... Колчак... Выстрелы трескались вдоль железных дорог. Стоят памятники тому времени на станциях Арлюк, Тутальская, Яшкино. Саломиды Шитикова — мать ныне 76-летней Надежды Бегаловой, рассказывала дочери о том, что побывали колчаковцы и в Ягодном. Взяли лишь лошадей, мужиков с ними, и зимой по Томи отступи-

ли дальше, на Яшкино. Крови и расправ ягодинцы не увидели, а причины этой революции им всё же были непонятны. Жизнь была налажена, дети росли. Кто хотел жить лучше, тот и жил, работая больше и лучше...

Попередрались между собой в гражданскую войну мужики, поперестрелялись. Где по-пьяни, где по дури. Потешились. Кто Лениным прикрывался, кто — Колчаком... Пересохла у деревни река. Встали мельницы. Ушла вода из колодцев, и люди понемногу переселялись в другое место, которое называли деревней Ново-Ягодное, где сейчас подсобное хозяйство училища сельских механизаторов. В 1937 году НКВД по навету арестовала Потапа Василевича и по сей день пропал он. В сороковых годах при строительстве города и завода вырубил весь лес. В деревнях начался голод. А Надежду Михайловну Бегалову за то, что она из голодного колхоза ушла работать на юргинский завод, чтобы прокормить двухлетнего ребенка, судом приговорили к шести месяцам исправительных работ.

Звезда любви,

звезда волшебная,

Звезда моих ушедших дней...

Зарадут скоро могилы нашей родни картошкой и кукурузой, — поделился как-то беспокойно с новоягодинцами Абрам Федосеевич Василевич — сын Федоса и Домны Василевичей. Он женился на Прасковье Васильевне Шитиковой, дочери мельника Василия Шитикова, и жена ему нарожала много детей, да почти все они умерли в раннем возрасте. Кроме одного — ныне зубного врача Георгия Абрамовича, который сегодня живёт в Курлеке Томской области. Сын Георгия Абрамовича — Владимир Георгиевич Василевич — живет у нас, в Юрге. Работает на абразивном заводе.

А тогда Абрам Федосеевич Василевич надолго из Ягодного уехал. Уехал молодым еще. Учился, работал, стал медиком, дос-

Открытие памятника
в 1957 г.

тиг звания профессора и, вернувшись в 1957 году в родные места, вместо родной деревни, стоявшей в лесу на берегу речки, увидел распаханное необозримое пустое поле. Тогда и родилось у него желание увековечить памятное место. Начал Абрам Федосеевич бегать по инстанциям, чтобы те разрешили ему поставить памятник односельчанам и родной деревне. И волшебство произошло: разрешили! Нашлись специалисты, вырыли яму, засыпали щебнем, отлили из цемента памятник, похожий на часовенку, а сын Надежды Михайловны Бегаловой — Шитиковой по отцу — Георгий Нестерович Галанов — Шитиков по деду, — работник машзавода, сделал из нержавейки таблички и укрепил их на стенах памятника. Таблички с надписью, которую чья-то шальная рука потом забила, но прочесть можно. На самой верхней табличке, посередине: «Не разрушайте нашу могилу, не беспокойте наш прах. Не забывайте, что мы — дома, а вы — в гостях». На табличке под нею: «Здесь покоятся дети врача Василевича: Антонина, Петр, Георгий». Слева от этой таблички: «Федос Филиппович Василевич, 1864—1938», и на самой правой: «Василий Иванович Шитиков, 1848—1923». Получается, что Абрам Федосеевич Василевич поставил памятник детям, отцу и тестю. Сам он умер в 1969 году в Юрге и похоронен на кладбище в пристанционной части города. Там его могила, омываемая светом сияющих на ночном небе звезд. Только какой из них? Хотя и для Абрама Федосеевича верно то, что...

...Ты будешь вечно

неизменная,

В душе измученной моей.

Г. ГРАБКО.